

АРИНА РУНОВА
МЕЛЬНИЦА

Арина Рунова

Мельница

«Автор»

2025

Рунова А.

Мельница / А. Рунова — «Автор», 2025

На холме в центре мира стоит Мельница, которая управляет жизнями двух братьев и их старого отца. Повесть-притча о том, как сложно порой жить в этом мире, не умея к нему приспособливаться, не будучи в силах изменить существующий порядок вещей и собственную судьбу.

© Рунова А., 2025

© Автор, 2025

Арина Рунова Мельница

1.

Был последний день мира, хотя об этом еще никто не знал, кроме старой серой Кошки, которая жила на Мельнице вместе с другими ее обитателями. Светило солнце, пробиваясь сквозь толщу распластанных в небе сизых облаков.

– Будет гроза, – сказал Старший Брат.

Он разгружал телегу, относил мешки с овсом на Мельницу. Овес всегда имел запах непомерной тяжести и был точно такого же тяжелого цвета, не то, что золотистая пшеница, источающая аромат божьей благодати.

Крестьянин, который привез зерно, сидел неподалеку, лениво курил трубку и смотрел вдаль, на пропеченную солнцем равнину, укутанную пряными, уже перезрелыми летними травами. Он не проронил ни слова, только глянул разок вверх и кивнул. Впрочем, его мнение никого не интересовало: Старший Брат был увлечен работой, а Младший с тоскливым видом стоял у дороги, скорбно сжимая в руке молоток. Его взгляд был устремлен ввысь, он снова пытался растолковать замысловатый узор облаков. Наверняка он знал лишь то, что ни одна мертвая жила холодного небесного света, ни один островок голубой плоти среди хлопьев грязно-белого полотна не откроет ему сейчас ничего нового. Что ж с того? Рано или поздно все изменится, и он поймет, что же скрыто еще от его взора.

А может быть он просто смотрел, как тает в синеющей дали за рекой облачный дым уходящего лета.

– Ты не хочешь мне помочь? – спросил его Старший Брат, закидывая на спину очередной мешок с овсом. – Нам надо успеть до грозы.

– Мне с этим не так просто справиться, как ты предполагаешь, – ответил Младший, недоумевая, почему бы брату не оставить его наконец в покое.

– Тогда иди и почини крышу.

– Ты ведь всегда все знаешь, верно? – он устало посмотрел на Старшего Брата, на то, как его сильные руки и крепкие, будто выкованные из стали, пальцы, тело под мешковатой и перепачканной мукой одеждой, лицо, плотно сжатые губы, все в нем было напряжено и сосредоточено на работе.

Старший Брат отнес на Мельницу еще два мешка, затем остановился, глубоко вдохнул бледный, тягучий, ленивый воздух этого дня и сказал:

– Почему ты не работаешь? У нас много работы.

– Я думаю, – ответил Младший Брат.

«Все бесполезно, боже мой, усталость и слабость сковали мои суставы, воздух не проникает в мои легкие, так же свободно как... Я умираю под гнетом безнадежности своего жалкого существования. А между тем, вокруг меня кипит жизнь. Чужая жизнь. Как понять, что происходит?»

Он наклонился, разглядывая муравьев в траве.

«И здесь та же картина. Как любопытно наблюдать за возней этих букашек. Движение, движение, движение. Всегда, везде...».

– Ты слишком много думаешь, – заметил Старший Брат угрюмо и неодобрительно.

– Ты тоже. Ты думаешь, что будет гроза.

– Я не думаю, я знаю.

– Значит, ты всегда все знаешь, но никогда не думаешь? – он подошел к телеге, уронив по пути молоток на землю, где темно-зеленые ленты трав опутали его безжалостное тело. – Если так, то ответь, зачем нам эти мешки?

«И наша жизнь подобна возне муравьев, мышей, червей, стремящихся ухватить кусок пищи, жить ради жизни. Но чем она наполнена, эта жизнь?»

Старший покачал головой, воспринимая слова брата как насмешку.

– Чтобы намолотить муку.

– А зачем нам мука?

– Чтобы испечь хлеб.

– А зачем хлеб?

– Чтобы люди могли его есть.

– Видишь, какая длинная цепь превращений этих скромных полевых колосьев в хлебную массу, употребляемую нами в пищу. Я думаю, если бы Господь хотел, чтобы люди ели хлеб, то он создал бы не колосья, а хлеб сразу. Перемалывая зерно в муку, и выпекая из муки хлеб, мы идем против воли божьей, против природы. Выходит, мы совершаем насилие...

Старший Брат выслушал его и ответил:

– Разве ты не ешь хлеб? Возможно, у Всевышнего были совсем другие планы. Может быть, он хотел, чтобы люди работали, а не только предавались глупым мечтам? Как ты считаешь? – и он строго взглянул на брата.

Младший промолчал, теперь он смотрел на крестьянина. Тот выпустил себе в усы седую струю дыма, его ничего не волновало, кроме очередного урожая овса и ряда вещей, от которых этот урожай зависит.

Крестьянина он тоже не понимал.

Тем временем Старший Брат продолжал разгружать мешки. Его сильные руки и крепкая спина не знали усталости, он равнодушно смотрел на бездельничающих, ему не требовалась их помощь, он просто боялся, что не успеет до грозы, разумеется, если она и впрямь случится...

И вечером была гроза.

Грозное небо, как это всегда бывает, стало темно-серым, вылитым из тяжелого стекла, что под воздействием высоких температур, вызываемых лиловыми вспышками молний, вытягивается в длинные серебристые нити и спадает вниз, на землю, вдребезги разбиваясь об ее твердь и усыпая все вокруг миллиардами осколков, которые кажутся похожими на драгоценные бриллианты, но, несомненно, являются более дорогими, поскольку их нельзя хранить вечно. Хлесткий дождь с огромной скоростью врзается в крылья старой Мельницы, тонкими, как женские браслеты, ручьями стекает по оконным стеклам дома, где живут мельники: два брата и их старый Отец.

На подоконнике свернулась клубком Кошка, ее глаза отражают вспышки молний, будто куски янтаря.

Обычно Кошка сидела рядом с Отцом, потому что была его совестью. Она забиралась к нему на колени и заглядывала через маленькие зрачки в сморщенную от старости душу. Кошка все видела и все знала, а Отец гладил ее дрожащей рукой и умолял простить его грехи.

Несомненно, гроза была неотъемлемой частью того, о чем должны были сообщить на следующий день; дождь шел, чтобы смыть остатки мира, а гром гремел, чтобы заглушить иные звуки жизни.

Однако на Мельнице все, кроме Кошки, воспринимали грозу просто как грозу.

– Пожалуй, это последняя гроза, которую я вижу, – тихо произнес Отец, и оба его сына, отворотив взгляд от окна, обеспокоенно посмотрели на старика. – Да, – продолжал он, – я чувствую, что после этой грозы что-то произойдет, что-то такое, что остановит, наконец, мою жизнь...

Младший Брат вздохнул, Старший, нахмурившись, перевел взгляд обратно к окну, подобные разговоры казались ему лишними.

– Надо будет завтра с утра проверить, не протекла ли крыша сарая, – сказал он резко. – Если протекла, то вся мука испортится.

– Почему ты решил, что крыша сарая должна протечь? – поинтересовался Отец.

– Потому что в прошлый раз она уже протекала, но кое-кто так ее и не починил.

– Сам бы и починил, – отозвался Младший Брат.

– Я не могу делать всю работу на Мельнице, – сердито заметил Старший Брат.

– Я в свое время делал всю работу на Мельнице, когда вы еще были детьми, а ваша Мать умерла, – сказал Отец.

– А я вообще не хочу работать на Мельнице! – воскликнул Младший, всплеснув руками.

Отец, Старший Брат и Кошка разом повернулись к нему. Кошка ухмыльнулась в усы и спрыгнула с подоконника на постель Отца.

– Разве у тебя есть выбор? – сказал Отец, глядя на него с жалостью.

– А почему у меня не может быть выбора?! Да, я не хочу здесь работать, и не хочу здесь жить!.. Настанет день, и я покину Мельницу.

Отец только покачал седой головой:

– У тебя не может быть выбора, потому что его нет ни у кого. Потому что ты родился на Мельнице, она дала тебе крышу над головой и хлеб, а это значит, что ты обязан ей. Да, у тебя есть долг перед Мельницей. И знаешь... – он перевел дыхание и перешел на шепот, прикрывая губы ладонью, – если ты откажешься выполнять свой долг, ты можешь остаться без всего, что имеешь. А если ты навредишь ей, она и вовсе... – он замолчал.

– Что?

– Она тебя погубит, – произнес Отец, испуганно озираясь по сторонам, будто кто-то мог подслушать его слова. – Она тебя просто перемелет, как пшеницу.

Старший Брат следил за струйками дождя на стекле.

– Она уже это делает, – удрученно вздохнул Младший Брат.

– Ты не умнее чурбана для колки дров, – сердито бросил ему Старший Брат. – А тебе, Отец, тоже не стоит говорить подобное. Тем более, что это не так.

Старик пропустил слова старшего сына мимо ушей и продолжал втолковывать младшему:

– Посуди сам, сынок, на улице гроза, и, не будь у нас Мельницы, нам пришлось бы ночевать в поле под дождем.

– Не будь у нас Мельницы, – добавил Старший Брат, – нам нечего было бы есть!

– Не будь у нас Мельницы, мы не смогли бы заработать ни гроша.

– Не будь у нас Мельницы, никто бы нас не уважал!

– Не будь у нас Мельницы, у нас не было бы и смысла для существования.

– Мы родились на Мельнице, мы выросли на ней, и мы умрем здесь! Она заботится о нас, а мы заботимся о ней! Она любит нас, а мы любим ее! Ты понял?

Младший Брат невидящим взглядом смотрел в пол. Он понял.

– Да, но вы забыли сказать, что не будь у нас Мельницы, мы были бы Свободными Людьми, – сказал он, собравшись наконец с духом.

Кошка снова усмехнулась и принялась точить когти о деревянную стену, давая всем понять, насколько абсурдно это замечание.

– Какая глупость, – сказал Старший Брат раздраженно. – Кому нужна *такая* свобода? Какой от нее прок? Это свобода нищего, тратящего даром свое время, вместо того чтобы работать. Куда приятнее *наша* свобода, та, что позволяет нам жить достойно.

– Разве это свобода?

– Ты просто слишком молод, – покачал головой Отец, также с горечью глядя на Младшего. – Придет время, и ты признаешь свои ошибки, ты станешь мыслить по-другому. Мельница тебя научит. Она сделает из тебя настоящего, добросовестного мельника, и ты уже никогда не вспомнишь эти свои слова. Ты еще будешь гордиться своей Мельницей, – он помолчал немного, потом хрипло прокашлялся и, откинувшись на подушку, вскоре уснул.

– Бедный Отец, он стал так стар, – произнес Старший Брат, наблюдая, как Кошка устривается на ночлег рядом со стариком.

– А ведь ему не так много лет, – заметил Младший. – Это она его убивает, потому что он ей больше не нужен, потому что есть мы для того, чтобы ей служить.

Старший, не обращая внимания на это нелепое, как ему казалось, замечание, продолжал:

– Возможно, скоро он умрет, так и не увидев, как ты... Ты ведь разочаровываешь его, ты причиняешь ему боль и страдание. Отцу так хочется тобой гордиться, и поэтому он тешит себя надеждой, что ты исправишься.

– А ты думаешь, я не исправлюсь?

– Я знаю это. Не забывай! – он метнул в сторону брата суровый взгляд и зашагал в свой угол.

Половицы протяжно скрипели под его тяжелыми шагами.

– Пусть гордится тобой! – крикнул ему вдогонку Младший и отвернулся к стене, чтобы забыться сном, ибо только забвение целительным бальзамом льется на раны и позволяет хотя бы на малое время перестать ощущать себя обитателем Мельницы, частью Мельницы, собственностью Мельницы.

Так наступила ночь.

Мельница стояла в Центре Земли уже много лет. Так много, что никто не помнил, сколько поколений сменилось здесь.

Она была расположена на холме, доступном всем четырем ветрам, сливавшимся в Центре Земли в единую мощь, и возвышалась над миром черным великаном. Ветер, обреченный служить изворотливому человеческому разуму, нехотя и хмуро вертел огромные лопасти ее колеса. Они тяжело рассекали воздух, и, казалось, угрожали любому, кто подойдет слишком близко, своей непомерной сверхчеловеческой силой.

Но самое главное находилось внутри: механизм, вращающий жернова, которые тупо и безжалостно перемалывали любую добычу.

Снаружи Мельница была подобна древнему храму, скрывающему в своих недрах необузданное и кровожадное божество, невидимое простым смертным. Только жрецы знают о нем всю правду, и этими жрецами являются мельники, из поколения в поколение передающие свое тайное умение служить Мельнице.

Но, как и любое божество, она приносит людям определенную пользу, благодаря ей, на каждом столе ежедневно появляется теплый ароматный хлеб. Именно поэтому девочка, собирающая в поле цветы, смотрит на Мельницу с опаской, она пытается решить первую непосильную для ее ума загадку: может ли столь ужасная на вид Мельница создавать такие полезные вещи как мука и, следовательно, хлеб? И благо ли это? Нет ли здесь какого-нибудь подвоха, такого как пряничный домик злой ведьмы?

Но крылья безмолвно царапают небо над ее головой, и она уходит прочь, унося с собой чувство легкого беспокойства.

Крестьянин, который возит на Мельницу зерно, не боится ее. Его разум берет верх над примитивными чувствами. И хотя каждый раз пребывание здесь внушает ему некоторую тревогу, он отлично понимает, что это всего лишь здание, построенное из досок, гвоздей, песка и камня. Он равнодушно глядит на ее колесо, он знает, что это сила ветра крутит лопасти, а механизм приводит в движение тяжелые жернова, благодаря чему зерно, в первоначальной

своей ипостаси никому не нужное, превращается в муку. Мука, эта вторая ипостась, или, точнее, переходная форма на пути к совершенству, которая тоже, сама по себе как бы и не нужна, становится хлебом. И только хлеб – третья ипостась, самая совершенная, венец творения – он, безусловно, необходим всем и каждому.

– Да, и что бы мы делали с этим зерном без Мельницы? – произносит крестьянин, подъезжая к ней.

Поэтому Мельница была Центром, Механизмом превращения Вещей Беспольных в Вещи Необходимые. И она вполне заслуживала поклонения, как вместилище божества, если бы это божество, заключенное в ее оболочку, не было творением рук Человека. Человека, который сам, опираясь на примитивное представление о материальном мире, может претендовать на звание бога. Из шерсти и льна он делает себе одежду, из дерева строит дом, а из зерна печет хлеб. Для поддержания своей жизни, ему непременно надо что-то видоизменить, переделывать, перерабатывать, его ничто не удовлетворяет в чистом, первоначальном виде. И не случайно Младший Брат задавался вопросом: если Господь хотел, чтобы люди ели хлеб, почему он не создал его сразу готовым? Но, ни хлеба, ни одежды, ни домов Господь не создавал, люди сами создали их, а потому Б-г стал им теперь не нужен. Выходит, Б-га уже давно нет?!... Не совсем так. На земле все еще осталось некое слабое воспоминание о его присутствии, и оно, растиражированное и обросшее нелепейшими выдумками, прижилось где-то рядом, и, в то же время, где-то далеко, за пределами повседневной жизни обычного человека, как того и следовало ожидать.

Младший Брат, выросший на Мельнице и до сих пор не побывавший нигде кроме деревни да близлежащей окрестности, не знал, что такое Б-г. Своим весьма пытливым, но неокрепшим умом он не желал принимать то подобие, тот призрак Б-га, который преподносили ему окружающие, утверждая, будто то, что думает и говорит большинство – есть истина. Нет! И поэтому, он хотел отправиться в дальний путь, чтобы обрести мудрость, ибо он полагал, что мудрость – есть Б-г, или, во всяком случае, ключ к его пониманию, если таковой все-таки существует.

Впрочем, иногда его мучили сомнения, что все это лишь мечты, и что Мельница никогда его не отпустит.

Так было и в то утро, которое наступило после грозовой ночи.

Младший Брат проснулся оттого, что кто-то щекотал его руку. Конечно, это была Кошка. Он, с трудом приходя в себя после крепкого сна, неловким движением погладил ее и, приподнявшись на локте, оглядел комнату. Отец тоже не спал. Он сидел на своей постели, с которой не вставал уже три года и равнодушно-скупающим взором рассматривал небо за окном.

– Ни одного просвета, – сказал он. – Все сплошь тучами затянуто.

Младший Брат кивнул, но не предал словам старика особого значения, в данный момент его больше интересовала Кошка, которая крутилась подле него. Он вдруг посмотрел на нее так, будто в первый раз увидел и вспомнил, что она живет с ними уже очень давно.

– Отец, скажи, когда появилась у нас эта Кошка? – спросил Младший Брат.

– Я не помню, – ответил Отец. – Может быть еще при бабушке...

– Разве кошки столько живут? Наверно, она скоро должна умереть.

Кошка, пораженная бестактностью Младшего Брата, замерла на месте, возмущенно взглянула на него и, спрыгнув с его постели, перебралась к Отцу. Там она свернулась клубком и, прищуривая пылающие раскаленным янтарем глаза, не сводила испепеляющего взгляда с обидчика.

Отец едва заметно усмехнулся и произнес:

– Не каждый, кто выглядит так, как кошка должен жить столько, сколько живут кошки. Но если тебя это не устраивает, можешь убить ее, – он почесал указательным пальцем за ухом у своей любимицы, и та расплылась в благодарной улыбке.

– Взгляни лучше, как все небо тучами заволочло, – сказал Отец после продолжительной паузы, вторично обращая внимание сына на это явление. – Не к добру это.

– Да и так все не к добру, – проворчал тот в ответ, затем наскоро оделся, умылся и, не притронувшись к завтраку, вышел во двор.

На душе у него было беспокойно. Это тревога выражалась в виде темной царапающей волны, которая, зачинаясь где-то в области горла, прокатывается по всей грудной клетке и исчезает внизу живота. Она давит на сердце и легкие, и от этого кажется, что вот-вот остановится дыхание. Однако причины своей тревоги распознать он еще не мог.

Старший Брат, как ни в чем не бывало, ремонтировал крышу амбара.

– Хороший хозяин кроет крышу до дождя, а плохой – после. Один мешок все-таки промок, – недовольно заметил он, увидев брата. – Наконец-то ты встал! Я бы давно тебя разбудил, но Отец не позволил. Старику мерещится что-то дурное. Как по-твоему?

– Небо тучами затянуло, – ответил Младший Брат, разглядывая могучую фигуру Старшего на крыше.

Он стоял там, словно непобедимый исполин, рискнувший бросить вызов небесам. И Младший невольно залюбовался этой картиной.

– Ерунда, – проговорил Старший. – Мне нужно съездить в деревню, так что закончи тут все, хорошо?

Младший кивнул, он знал, что Старший Брат собирается ехать к своей невесте. К тому же ремонтировать крышу было куда приятнее, чем работать на Мельнице.

– Когда ты на ней женишься? – спросил он вдруг без особой причины.

– После осенней ярмарки, когда проходят все прочие свадьбы, – ответил Старший Брат, спускаясь с крыши. – Куплю ей на вырученные деньги ярких лент и кружев, какие любят девушки, – он протянул брату молоток и, предвкушая радостный момент, слегка улыбнулся, что случалось с ним не так часто.

Глядя на его сильную, привыкшую к тяжелой работе руку, обхватившую рукоять молотка, Младший брат вдруг невольно представил, как он сжимает хрупкую кисть своей невесты, как трещат ее кости, из-под ногтей брызжет кровь. Он вздрогнул и взял протянутый ему молоток. Его собственная рука тоже была грубой и мозолистой, но в ней не чувствовалось той стальной несокрушимой силы, которой жили руки его брата.

Он залез на крышу и окинул тревожным взглядом серое небо. Далеко на западе он увидел журавлиный клин.

– Хотел бы я стать журавлем, – произнес он, взглядывая вдаль и вдыхая прохладный ветер.

– Это еще зачем? – услышал он.

– Затем, что они могут лететь куда угодно. А я даже не знаю, что там за горизонтом.

– Все ты прекрасно знаешь! Посмотри, на востоке – холмы, за холмами – лес; на севере – деревня, за ней река, за рекой поле и снова лес. На юге и на западе – поля, сколько хватает глаз.

– А дальше?

– А дальше – другие деревни, города, поля, леса, озера, реки, где-то есть моря и горы. Но что нам до этого? Другие поля ничем не отличаются от наших полей, другие деревни, леса и реки ничем не лучше наших. И нам совсем не обязательно смотреть на них.

– А люди?

– Люди?

– Другие люди.

– Другие люди такие же, как люди в нашей деревне. Мужчины, женщины, дети. Или ты воображаешь, что они там ходят с песьими головами, как в старинных сказках? – он усмехнулся.

– Нет, я так не думаю.

– Тогда не говори глупостей и принимайся за дело, – сказал Старший Брат и отправился в деревню.

Он глянул в беспросветную серость неба, на дорогу, змеей петляющую по золотисто-зеленой равнине, а во взгляде его была все та же непоколебимая сила. И Младший Брат знал, отчего она есть в нем. Его несгибаемый дух, будто выточенный из гранита, его твердая уверенность во всем, отсутствие даже простого намека на сомнение порождали эту силу. Он так смотрел на жизнь, словно она ничего от него не таит, а все, чего ему хочется, лежит только на поверхности мира, и чтобы получить это, надо лишь смело протянуть руку и схватить.

«Сила и мужество».

Он родился на Мельнице, чтобы стать мельником; он перемалывал зерно, чтобы был хлеб, годный в пищу; он зарабатывал деньги, чтобы купить ленты невесте; и очень скоро он должен будет жениться, чтобы продолжить свой род, чтобы на Мельнице было кому сменить его также, как он сменил своего Отца.

Только Младший Брат смотрел на его жизнь иначе:

– Мельнице нужны жертвы так же, как нужны рабы. И если я – ее жертва, то ты – ее раб, хотя сам того не понимаешь. Это она заставляет тебя жениться, чтобы твои дети сменили тебя, чтобы они стали ее рабами и прожили точно такую же жизнь как ты. Она жаждет только одного – перемалывать! Не ты, а она! Открой глаза, и ты увидишь пустоту за всеми своими механическими действиями. В чем смысл? Ведь ты идешь по тому же замкнутому кругу, по которому шли десятки поколений до тебя. Да, брат, ты силен, но она умнее, и потому, она – разум, а ты лишь исполнительный механизм, хотя со стороны все выглядит иначе. Ты спросишь: где выход? Я отвечу: бросить Мельницу и уйти. Уйти туда за горизонт, найти себя, свою свободу, вернуться к истоку и заново открыть в себе то, что уничтожила Мельница, и новой, чистой, первозданной душой стремиться к тому, чего ты хочешь на самом деле. А Мельница пусть гниет здесь, среди пустых полей в центре земли. Пусть упрямый ветер как прежде вращает лопасти ее колеса, но молоть она уж больше не сможет. Ей нечего будет перемалывать, и некого. Пусть захлебнется в своей ненасытности, а мы избавимся от ее крепких пут. Мы будем свободны как журавли, мы будем... – все это шептали его губы, пока он смотрел вслед уезжающему брату.

После грозы земля была влажной, а ветер – свежим и прохладным. Из-под колес телеги не вырывались клубы пыли, и потому Младший Брат мог наблюдать повозку до тех пор, пока она, все уменьшаясь и уменьшаясь, не скрылась из виду. Сердце его снова больно сжалось, а в голове прозвучал привычный вопрос: «Чтобы я мог сделать, если бы не...».

Он бессильно опустил на крышу сарая и, вдруг отчаянно заработал молотком, с одного удара забивая гвозди в доски. И чем сильнее были его удары, тем громче он повторял:

– О, боже мой, как я слаб! Как я слаб!! Как я слаб!!!

А над ним, в тусклом воздухе серого дня равнодушно вращались мельничные крылья, так, словно и не было здесь никого вовсе.

Тем временем Старший Брат добрался до деревни, и направился в сторону дома своей будущей жены.

Поначалу, он не замечал ничего необычного, но, постепенно забираясь все глубже и глубже в деревенские улицы, почувствовал сковывающую его странную неловкость.

Было тихо.

Так тихо, что маленькие аккуратные домики, спрятанные за своими изгородями, казались мертвыми и зловещими. Даже собаки не лаяли, учуяв незнакомца. Старшему Брату почудилось, будто он был здесь совсем один среди нелепого нагромождения дерева и камня, называемого человеческим жильем.

Когда он достиг дома, где жила семья его невесты, он увидел, что и там никого не было, а калитка, вследствие предосудительной небрежности, открыта настежь. Он вошел и прикрыл ее за собой.

Старший Брат громко произнес имя девушки, но никто не отозвался.

– Что же это такое! – возмутился он. В глубине его свинцовой души теперь зрело гнетущее беспокойство.

Он сел на стул и опустил голову, рассматривая доски пола и разбросанные игрушки младших братьев своей невесты.

Прошло некоторое время.

Время, будто сжатое в тиски. Он ощущал его могущество и жалкость, но не отдавал отчета своим ощущениям. Просто голова его опускалась все ниже и ниже под невидимой тяжестью, руки превращались в увесистые металлические инструменты, а лицо покрывалось морщинами и пылью.

Старший Брат сидел и ждал. Но вдруг все изменилось, словно развеялся крепкий сон, и тишина, совершенная в своей целостности, распалась на составляющие. Воздух наполнился различными звуками, по деревянным ступеням быстро-быстро застучали чьи-то башмаки, и в дом вбежала юная девушка. Лицо ее покраснелось, она тяжело дышала.

Увидев гостя, девушка подошла к нему и сказала:

– Я знала, что ты здесь. Твоя повозка у ворот.

– Куда же все подевались?

Девушка тяжело вздохнула и лицо ее помрачнело:

– Ужасная новость, – произнесла она совсем тихо. – Там, на Краю Земли началась война.

– Как?! – Старший Брат вскочил со стула, она нежно провела рукой по его шершавой щеке. – Когда?

– Не знаю, ничего не знаю! – отвечала она. – Только утром стало известно. Многие наши мужчины должны будут идти на войну... А вдруг... вдруг... и ты?

Старший Брат успокаивающе коснулся ее плеча и медленно пошел по направлению к двери.

– Нет, зачем? Разве мы имеем к этому какое-нибудь отношение? Нечего беспокоиться.

– Но рано или поздно она доберется и до нас! Тогда мы все погибнем.

– Нет! – твердо заявил он, ударив кулаком по дверному косяку. – Этого не будет. Никогда не было и не будет!

– Ты так думаешь?

– Я знаю! – сказал он и вышел.

Старший Брат быстро пересек двор и исчез за воротами. А девушка все стояла на пороге и глядела ему вслед.

Любила ли она его? Любовь ее походила на речную воду, которая то нахлынет волной на скользкий берег, то вновь умчится вглубь себя.

Девушка вспомнила как однажды он возил ее на Мельницу, и она спросила его, что будет после того, как они поженятся.

– Мы будем жить здесь, – ответил он. – Ты станешь смотреть за домом, а мы с братом – работать на Мельнице. Ты родишь мне двоих сыновей.

Отец, который тоже был там и сидел с Кошкой на коленях, посмотрел на них усталыми глазами и произнес:

– Когда-то и я точно так же привел сюда свою будущую жену. И у меня с губ сорвались такие же слова. И все вышло так, как я сказал. Твоя мать была хорошей женщиной, именно такой, какой должна быть жена мельника. И твоя невеста очень на нее похожа. Только у матери были черные волосы, а у этой девушки – волосы цвета спелой пшеницы. Но так даже лучше.

В тот в ее душе возникла уверенность и гордость за свое будущее.

Еще она заметила мелькнувшую в окне фигуру Младшего Брата. Его шаги показались ей неуверенными, словно он ступал по неровной почве, его глаза смотрели в несуществующую, только ему видимую даль. Он не вышел знакомиться с невесткой, только бросил быстрый взгляд сквозь стекло и поспешил скрыться в глубине комнаты.

Тогда сердце девушки возликовало оттого, что ее будущий муж был совсем другим.

Теперь же, когда такому прочному, как казалось, миру угрожает опасность, душа ее сжималась от страха, и ей хотелось бежать вслед за ним, под его защиту, под крыло старой могучей Мельницы, которую никогда и ничто не сокрушит....

2.

Когда Старший Брат вернулся домой, лицо его выглядело озабоченным, но не так как всегда. И Младший Брат сразу понял, что думы его не связаны с Мельницей. Что-то произошло вне доступного для них мира.

Старший молча сел на скамью перед амбаром, предоставив Младшему самому возиться с повозкой, и стал смотреть себе под ноги.

– Что случилось? – поинтересовался Младший Брат. – Поссорился с невестой?

– Нет. Просто..., – он замолчал, не договорив, потом решительно поднялся и пошел в дом, жестом приглашая брата следовать за ним.

– Отец, – сказал Старший, когда они подошли к постели старика, – из деревни я принес плохую новость.

– Какую? – пробормотал тот, движения его руки, поглаживающей дымчатую шерсть Кошки, сразу стали быстрыми и беспокойными.

Кошка во все глаза смотрела на Старшего Брата.

– Говорят, что на Краю Земли началась война. Говорят, что многие наши мужчины должны идти воевать.

Кошка перевела взгляд на Младшего. Тот, едва услышав эти слова, весь напрягся, в голове его вспыхнула мысль:

– Я пойду на войну! – воскликнул он, а Кошка одобрительно замурчала, будто только этого и ждала.

Отец встревожено посмотрел на своего второго сына и произнес:

– Возможно этого и не потребуется. Вы – мельники и обеспечиваете солдат хлебом. Если вас призвать на войну, то здесь некому будет работать.

– Он и один справится, – возразил Младший Брат, указывая на Старшего.

– Ты будешь воевать? Ты? – удивленно поднял брови тот, испытующе глядя на брата. – Разве ты сможешь?

В представлении Младшего Брата война всегда была смесью серого и алого. Серым выглядело все: лица и одежда солдат, грязь, небо, дождь, воздух и ветер. И на этом сером фоне – алая кровь рвущихся сердец, алая страсть убийства и разрушения, алое пламя огня и алые зрачки дьявольского рока.

Разные картины, одна страшнее другой проплывали перед его мысленным взором. И каждый раз он видел себя с оружием в руках, посреди мертвого, но еще агонизирующего поля брани, под смертельным огнем вражеских орудий. Земля дрожит под ногами, он падает на колени и из глаз его текут серые слезы. Он не может стрелять. Он не может убить человека даже если кто-то окрестил его врагом. Он распластался в грязи, не сдерживая рыданий и орошает слезами землю, испещренную следами сотен тысяч таких же как он людей, безликих, ослепленных, измученных. Ради чего? Ради будущего? Ради мира и всеобщей любви? Неужели никто не понимает, что будущее, построенное на крови, не может быть источником мира! А что такое любовь, напившаяся боли, страданий, и упирающаяся ногами в трупы людей? Нет, – думает он, – это ложь! Ложь, навязанная злом. И мы творим зло во имя добра!

Он видит сожженные, разграбленные дома, заплаканные, почерневшие лица детей, толпы обездоленных беженцев. Он идет, понурив тусклые морщинистые лица, тяжело переступая натруженными ногами, почти не разговаривают друг с другом, но касаются руками рук и плеч, чтобы ощутить движение рядом с собой, чужое дыхание и жизнь. О чем они думают? О том ли какой счастливый и радостный мир наступит тогда, когда их мужья, братья, сыновья и отцы перебьют всех врагов? О мести ли мечтают они? И что видят они в возможной победе: торжество одержавшей верх справедливости или освобождение от нечеловеческих мук, на которые обрекли их вершители судеб?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.